

КАРЛ ГУСТАВ

ЮНГ

*ПСИХОЛОГИЯ ЗАПАДНОЙ
РЕЛИГИИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Карл Юнг

Психология западной религии

«Издательство АСТ»

1939

УДК 159.9
ББК 88.5

Юнг К. Г.

Психология западной религии / К. Г. Юнг — «Издательство АСТ», 1939 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-156145-1

Религиозная проблематика как одна из базовых констант мировоззрения человека всегда была важной составляющей исследований Юнга. Он выдвинул идею, что любой человек религиозен априори, а религия есть особая установка ума, отражающая врожденную потребность человека в благочестии и высшем священном руководстве. В работах, составивших сборник, автор исследует не только метафизику и философию западной религии, но рассматривает ее также с точки зрения психологии, представляя оригинальное видение архетипичной основы христианства и неожиданные трактовки основных христианских символов и догматов. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 159.9

ББК 88.5

ISBN 978-5-17-156145-1

© Юнг К. Г., 1939
© Издательство АСТ, 1939

Содержание

Психология и религия	6
Предисловие автора	7
1. Автономность бессознательного	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Карл Густав Юнг

Психология западной религии

C. G. Jung

PSYCHOLOGIE UND RELIGION

VERSUCH EINER PSYCHOLOGISCHEN DEUTUNG

DES TRINITATSDOGMAS

(Collected Works, Volume 11)

© Rascher & Cie. AG, Zürich, 1963

© Foundation of the Works of C.G. Jung, Zürich, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Психология и религия

Цикл лекций, прочитанных К. Г. Юнгом по-английски в 1937 г. в Йельском университете (США).

Предисловие автора

При сверке и редактировании немецкого перевода «лекций Терри», любезно мне предоставленного, я воспользовался возможностью внести ряд исправлений – в основном расширяя и дополняя высказанные ранее соображения. Преимущественно эти исправления коснулись второй и третьей лекций.

Оригинальное английское издание уже содержит значительно больше, чем можно изложить в устном выступлении. Тем не менее в нем сохранен, насколько это возможно, лекторский стиль – не в последнюю очередь потому, что американский публичный вкус более приспособлен именно к этому стилю, а не к восприятию и усвоению научных трактатов. Немецкое издание также несколько отличается в данном отношении от английского оригинала, но никаких изменений принципиального характера в него не вносилось.

Октябрь 1939 г.

1. Автономность бессознательного

Поскольку целью Терри, попечителя настоящих лекций, было позволить представителям науки, равно как философии и других областей человеческого знания, внести свой вклад в обсуждение извечной проблемы религиозности и поскольку Йельский университет оказал мне высокую честь прочитать курс лекций в 1937 году, моя задача, как видится, должна заключаться в том, чтобы показать сходство между психологией – точнее говоря, не психологией вообще, а той специальной отраслью медицинской психологии, которой я занимаюсь – и религией. Религия, вне сомнения, является одним из самых ранних и наиболее универсальных видов деятельности человеческого ума, и вполне очевидно, что всякая психология, изучающая психологическую структуру человеческой личности, попросту не может не принимать во внимание тот факт, что религия не только социологическое или историческое явление – она обладает чрезвычайной личностной ценностью для множества индивидуумов.

Меня часто представляют философом, однако я был и остаюсь эмпириком, который придерживается феноменологической точки зрения. Полагаю, что если кто-то время от времени предается размышлениям, которые выходят за пределы простого сбора и классификации опытных данных, это никоим образом не вступает в противоречие с принципами научного эмпиризма. Более того, я убежден, что без рефлексии вовсе нет опыта, поскольку «опыт» есть процесс ассимиляции, без которого невозможно понимание происходящего. Отсюда следует, что я подхожу к психологическим задачам с научной, а не с философской точки зрения. В той степени, в какой религии присуще крайне существенное психологическое начало, я рассматриваю ее сугубо эмпирически, то есть ограничиваюсь наблюдением ее проявлений и воздерживаюсь от высказывания метафизических или философских соображений. Я не отрицаю значимость указанных соображений, но не считаю себя достаточно компетентным для того, чтобы применять их грамотно.

Большинство людей, я уверен, мнят себя всесторонне осведомленными в психологии, поскольку психология в их понимании есть то, что они сами о себе знают. Увы, боюсь, что психология на самом деле представляет собой нечто большее. Она имеет мало общего с философией, зато широко обращается к эмпирическим фактам, многие из которых труднодоступны для повседневного опыта обычных людей. Мое намерение состоит в том, чтобы представить, пусть по необходимости кратко, способы, какими практическая психология приступает к изучению религиозных вопросов. Разумеется, всю широту данной проблематики крайне затруднительно исчерпывающе изложить в трех лекциях, ведь доказательства каждого конкретного положения потребуют значительно больше времени и куда более подробных объяснений. Первая лекция будет таким введением в проблемы взаимоотношений практической психологии с религией. Во второй лекции речь пойдет о фактах, подтверждающих существование подлинной религиозной функции бессознательного, а в третьей лекции будет рассмотрен религиозный символизм бессознательных процессов.

Раз уж я намерен прибегнуть к довольно специфической, не совсем обычной аргументации, то нужно убедиться в том, что моя аудитория хорошо знакома с методологическими принципами той психологии, которую я представляю. Эти принципы исключительно феноменологические по своей природе, они опираются на конкретные психологические состояния, события и опыт, одним словом – на факты. Истиной для них выступают именно факты, а не суждения. Например, когда речь заходит о мотиве непорочного зачатия, мою отрасль психологии интересует сам факт наличия такой идеи; ее не занимает вопрос истинности или ложности этой идеи в любом ином смысле. Данная идея психологически истинна ровно настолько, насколько она существует. При этом психологическое существование субъективно лишь до тех

пор, пока та или иная идея возникает у единственного индивидуума; когда же идея принимается обществом, она становится объективной в силу *consensus gentium*¹.

Такая точка зрения свойственна вообще всем естественным наукам. Психология трактует идеи и прочие плоды сознания точно так же, как зоология, к примеру, трактует различные виды животных. Слона считается «истинным» просто потому, что он существует. Он не является ни умозаключением, ни субъективным суждением Творца. Слон есть явление нашего мира. Но мы настолько свыклись с мыслью о том, будто психические события суть плоды воли или произвола, или даже изобретения творца-человека, что нам трудно освободиться от предубеждения, гласящего, что психика и все ее содержание есть наше собственное волюнтаристское изобретение – или более или менее иллюзорный продукт наших предположений и суждений. Факты же свидетельствуют, что определенные идеи существуют почти повсеместно и во все времена, что они могут воспроизводиться спонтанно, совершенно независимо от миграций или традиций. Они не творятся индивидуумами, а приходят в индивидуальные сознания – порой даже вторгаются насильственно. Это не платоновская философия, а подлинная эмпирическая психология.

Прежде чем рассуждать о религии, хочу сразу пояснить, что я вкладываю в это понятие. Религия, как следует из латинского корня этого слова, есть тщательное и добросовестное наблюдение за тем, что Рудольф Отто точно называл нуминозисом² – то есть за динамическим существованием, или действием, которое не вызвано произвольным актом воли. Напротив, такое действие охватывает человека и подчиняет его себе, так что индивидуум всегда скорее жертва, а не творец. Нуминозное, какие бы причины его ни обуславливали, выступает как опыт, независимый от воли субъекта. Везде и всюду религиозные учения и *consensus gentium* объясняют этот опыт как следствие причины, внешней по отношению к индивидууму. Нуминозное – это либо качество видимого объекта, либо влияние незримого нечто, которое вызывает особого рода изменения в сознании. Во всяком случае, таково общее правило.

Впрочем, возможны некоторые исключения, когда мы говорим о религиозных практиках или ритуалах. Великое множество ритуальных действий совершается с единственной целью осознанного самостоятельного производства нуминозного посредством каких-то магических приспособлений, будь то мольбы, заклинания, жертвоприношения, медитации и прочие йогические упражнения, причинение себе всякого рода увечий или что-либо еще. Но религиозное верование в наличие внешней и объективной божественной причины всегда предшествует подобным действиям. Католическая церковь, например, причащает Святыми Дарами ради того, чтобы наделить верующего духовным благословением; поскольку же этот акт равнозначен принудительному вызову благодати посредством неоспоримо магических процедур, логично заключить, что божественную благодать в акте причастия никто не способен вызвать принудительно, что причастие есть некое божественное установление, которое попросту не возникло бы по воле Господа в отсутствие Божьего промысла³.

Религия представляется мне особой установкой человеческого ума, которую возможно охарактеризовать в соответствии с изначальным употреблением слова *religio*, означавшего тщательное рассмотрение и наблюдение за некими динамическими факторами, которые понимались как «потусторонние силы», – за духами, демонами, богами, законами, идеями, идеалами, то есть за всем, что человек обнаруживал в своем мире и считал чем-то могущественным, опас-

¹ «Согласия народов» (лат.), общего согласия. – Примеч. ред.

² См. его работу «Священное. Об иррациональности в идее божественного и его отношении к рациональному». – Примеч. авт.

³ *Gratia adiuvans* и *gratia sanctificans* (благодать поддерживающая и благодать освящающая) суть результаты *sacramentum ex opere operate* (Таинства из свершения свершившегося). Причастие оказывается действенным в силу того обстоятельства, что оно было учреждено самим Христом. Церковь не в состоянии совместить ритуал с благодатью таким образом, чтобы акт таинства вызывал присутствие и воздействие благодати. Следовательно, ритуал, отправляемый священнослужителем, есть не *causa instrumentalis* (действие инструментальное), а только *causa ministerialis* (действие служебное). – Примеч. авт.

ным либо достаточно полезным для того, чтобы принимать во внимание, либо величественным, прекрасным или значительным, заслуживающим благоговейной любви и почитания. В повседневной речи мы часто говорим, что человек, который живо интересуется чем-либо, преследует свою цель почти с «религиозной одержимостью»; Уильям Джеймс замечает, к примеру, что ученый часто лишен веры, однако «набожен по духу»⁴.

Хочу сразу указать, что под понятием «религия»⁵ я не имею в виду вероучение. Однако верно, что всякое вероучение исходно основывается, с одной стороны, на опыте постижения нуминозного, а с другой стороны, – на преданности и верности, на доверии к некоему испытанному воздействию нуминозного и к последующим изменениям сознания. Поразительным примером здесь может служить обращение апостола Павла. Значит, можно сказать, что понятие «религия» обозначает особую установку сознания, подвергнувшуюся изменению вследствие опыта постижения нуминозного.

Вероучения суть кодифицированные и догматизированные формы первоначального религиозного опыта⁶. Содержание опыта становится освященным и обычно застывает в жесткой, зачастую хорошо разработанной структуре идей. Практика и воспроизводство первоначального опыта делаются ритуалом и неподвластны изменениям институцией. Однако это вовсе не означает, что нужно видеть в них безжизненное окаменение. Напротив, они могут на века стать формой религиозного опыта для миллионов людей без малейшей нужды в изменениях. Хотя католическую церковь часто обвиняют в чрезмерной строгости правил, она все же признает за догматами живой характер, вследствие которого они подвержены изменению и развитию. Даже количество догматов ничем не ограничено и с течением времени может возрастать. То же самое верно и для ритуалов. Но все изменения и все последующее развитие должны оставаться в рамках первоначально испытанных фактов, из-за чего появляются особое догматическое содержание и эмоциональная значимость. Даже протестантизм, который совершенно явно стремится к почти полному освобождению от догматической традиции и кодифицированного ритуала, а потому разделившийся более чем на четыре сотни деноминаций, – так вот, даже протестантизм вынужден соотносить себя с христианством и выражать себя в рамках верования, согласно которому Господь воплотился в Христе, принявшем страдания за род человеческий. Это вполне определенные пределы с четко установленным содержанием, которое нельзя соединить с буддистскими или исламскими идеями и эмоциями или расширить за их счет. Но не подлежит сомнению при этом, что не только Будда или Мухаммад, Конфуций или Заратустра олицетворяют религиозные явления; в равной степени этим качеством обладают также Митра, Аттис, Кибела, Мани, Гермес и божества многих других экзотических культов. Психолог, принимая научный подход, должен отвергать притязания множества вероучений на уникальность и владение вечной истиной. Он должен исследовать человеческую сторону религиозного учения, ибо его занимает первоначальный религиозный опыт, независимо от того, как последний используется в различных вероучениях.

Будучи врачом и специалистом по нервным и психическим заболеваниям, я исхожу не из конкретных вероучений, а из психологии *homo religiosus* – человека религиозного, который принимает во внимание и тщательно наблюдает некие воздействующие на него факторы (опре-

⁴ См.: «Прагматизм. Новое наименование для некоторых старых методов мышления»: «*But our esteem for facts has not neutralized in us all almost religious. Our scientific temper is devout*» («Наше уважение к фактам не погасило в нас окончательно огня религиозности. Само это уважение имеет какой-то религиозный характер». – *Ред.*). – *Примеч. авт.*

⁵ *Religio est, quae superioris cuiusdam naturae (quam divinam vocant) curam, caeremoniamque affert* («Добродетель же поклонения есть нечто, внушающее почтение и благоговение перед некоей высшей силой, каковую можно назвать божественной») – Цицерон, «О нахождении риторики», II. О «добросовестных показаниях самого свидетеля, давшего клятву» – см. Цицеронову «Речь в защиту Марка Целия Руфа», 55. – *Примеч. авт.*

⁶ См.: Scholz, Die Religionsphilosophie des Als-Ob. Шольц настаивает на сходной точке зрения. См. также: Pearcy, A Vindication of Paul. – *Примеч. авт.* Г. Шольц – немецкий философ, автор трудов по логике, метафизике и религии. – *Примеч. ред.*

деляющие тем самым условия его жизни). Не составит труда обозначить и охарактеризовать эти факторы в согласии с исторической традицией или с этнологическим знанием⁷, однако будет невероятно трудно проделать то же самое с точки зрения психологии. Все, что я могу сказать по поводу религии, целиком и полностью почерпнуто из моего практического опыта, из общения с моими пациентами и с так называемыми нормальными людьми. А поскольку наш опыт взаимодействия с другими в значительной степени зависит от нашего к ним подхода, я постараюсь хотя бы в общих чертах рассказать, как я выстраиваю работу с пациентом.

Любой невроз связан с внутренней, если угодно, интимной жизнью человека, и потому пациент всегда испытывает немалые колебания, когда ему приходится давать полный отчет о всех тех обстоятельствах и сложностях, которые привели к его болезненному состоянию. Но что же мешает пациенту выговориться свободно? Чего он боится, стесняется, стыдится? Все дело в том, что он «тщательно наблюдает» упомянутые внешние факторы, которые в совокупности составляют, как принято выражаться, общественное мнение, респектабельность и репутацию. Даже доверяя своему врачу и в какой-то миг перестав робеть перед ним, пациент не хочет или опасается признаваться в некоторых фактах самому себе, словно ощущая некую угрозу от самоосознания. Обыкновенно мы боимся того, что кажется нам подавляющим. Но есть ли в человеке что-то такое, что может быть сильнее его самого? Здесь нужно помнить, что всякий невроз подразумевает присутствие той или иной степени деморализации. Невротик теряет веру в себя. Невроз – это унижительное поражение, так эта болезнь ощущается людьми, которые «прислушиваются», пусть не слишком внимательно, к собственному психическому состоянию. Причем поражение наносит в этом случае нечто «нереальное». В былые времена врачи могли убеждать пациентов, что с ними на самом деле ничего по-настоящему не произошло, что они не страдают в действительности от болезни сердца или от рака, а симптомы у них воображаемые. Чем больше пациент укреплялся в вере, что страдает *malade imaginaire*⁸, тем острее всю его личность пронизывало ощущение неполноценности. «Если симптомы у меня воображаемые, – говорил себе такой пациент, – то откуда же берется эта путаница в мыслях, доставляющая столько хлопот?» Признаться, воистину жаль смотреть на разумного вроде бы человека, который почти умоляет поверить, что он страдает раком желудка, – и одновременно покорным голосом повторяет, что он, конечно же, знает, что рак у него воображаемый.

Наша привычная материалистическая концепция психики, боюсь, не способна сколько-нибудь помочь, когда мы сталкиваемся с неврозами. Будь душа наделена какой-то «тонкой» телесной субстанцией, тогда мы могли бы по крайней мере сказать, что это оболочка, подобная дымке, страдает от вполне реального, пускай и воображаемого, мыслимого заболевания раком – точно так же, как наше грубое тело способно подхватить сходную болезнь. Вот это хотя бы оказалось чем-то реальным. Поэтому медицина испытывает столь сильную неприязнь ко всему психическому: она считает, что либо больно тело, либо вообще все в порядке. Если нельзя доказать подлинность телесного заболевания, это происходит только потому, что нынешние средства не позволяют врачу обнаружить истинную природу безусловно органических нарушений.

Но что же в таком случае представляет собой психика? Материалистические предрассудки трактуют ее как простой эпифеноменальный⁹ продукт органических процессов мозга. Значит, всякое психическое расстройство должно быть следствием органического или физического нарушения, которое не обнаруживается лишь в силу несовершенства наших диагностических средств. Несомненная связь между психикой и мозгом в известной мере подкреп-

⁷ Так у автора, но корректнее в данном случае говорить, скорее, об этнографическом или социально-антропологическом знании, поскольку имеются в виду различные обычаи и обряды у разных народов, а не теоретические построения. – *Примеч. ред.*

⁸ Воображаемой болезнью (*фр.*). – *Примеч. ред.*

⁹ То есть побочный, обусловленный протеканием других процессов. – *Примеч. ред.*

ляет эту точку зрения, но не настолько, чтобы сделать ее непоколебимой истиной. Мы не знаем, имеются ли при неврозах фактические нарушения органических процессов мозга, а в случае выявленных эндокринных нарушений невозможно ответить на вопрос, являются ли они причинами или следствиями.

С другой стороны, не вызывает сомнений тот факт, что подлинные причины неврозов сугубо психологические. Еще недавно было очень трудно вообразить, что для облегчения органического или физического расстройства может оказаться достаточно простых психологических мер, но в последние годы медицинская наука признала существование целой группы заболеваний (психосоматических расстройств), в которых многое зависит именно от психологии пациента. Мне довелось стать очевидцем случая истерической лихорадки с температурой около 39 градусов по Цельсию, которая исчезла через несколько минут после выяснения психологической ее природы. Как же объяснить случаи явно физических заболеваний, когда облегчение, а то и исцеление выступают результатом обсуждения болезнетворных психических конфликтов? Опять сошлюсь на свой опыт: я наблюдал пациента с псориазом, покрывшим практически все его тело, и это поражение кожи сократилось в размерах в десять раз за несколько недель психологического лечения. В другом случае пациент незадолго до консультации перенес операцию по уменьшению толстой кишки (ему удалили до сорока сантиметров ткани, но вскоре орган снова увеличился и стал больше прежнего). Пациент был в отчаянии и отказался от вторичной операции, хотя хирург настаивал на вмешательстве. После открытия ряда важных интимных фактов в беседе с психологом все у пациента пришло в норму.

Подобного рода опыт существенно затрудняет веру в то, что психика есть нечто ничтожное, что воображаемые факты нереальны. Скажу так: реальность психики лежит не там, где ее ищут по близорукости. Психика существует, но не в физической форме. Смехотворным предрассудком будет предполагать, что существование может быть сугубо физическим. На деле же единственная форма существования, непосредственно нам известная, – это форма психическая. Причем мы могли бы сказать, что физическое существование есть всего-навсего вывод из психического, поскольку материя познается нами лишь через восприятие психических образов, поступающих в сознание от органов чувств.

Мы откровенно заблуждаемся, когда забываем эту простую, но фундаментальную истину. Даже пусть у невроза нет иной причины, кроме воображения, болезнь остается вполне реальной. Если некто вообразит меня своим смертельным врагом и расправится со мной, то я паду жертвой простого воображения. Воображаемые условия существуют, они могут быть столь же реальными, столь же вредоносными и опасными, как и физические обстоятельства. Полагаю даже, что психические расстройства куда страшнее эпидемий или землетрясений. Средневековые эпидемии бубонной чумы или черной оспы не смогли унести столько жизней, сколько унесли, например, различия во взглядах в 1914 году или борьба за политические «идеалы» в России.

Хотя разум не в состоянии воспринять собственную форму существования – из-за отсутствия какой-либо архимедовой точки опоры вовне, – психика все равно существует; более того, она и есть само существование.

Что же мы ответим пациенту, вообразившему, что он болен раком? Я бы сказал ему так: «Да, друг мой, вы действительно страдаете от чего-то, похожего на рак, вы носите внутри смертельное зло. Оно не убьет ваше тело, потому что является воображаемым, зато способно постепенно погубить вашу душу. Она уже отравлена, этот яд пронизывает ваши отношения с другими людьми и омрачает ваше счастье. Это будет продолжаться, пока зараза не поглотит целиком ваше психическое существование. В конце концов вы перестанете быть человеком, сделаетесь злобной разрушительной опухолью».

Нашему пациенту ясно, что его нельзя признать творцом собственных болезненных фантазий, хотя теоретический склад ума, конечно, подскажет ему, что он является владельцем

и создателем плодов своего воображения. Когда человек действительно страдает от рака, он вовсе не мнит себя ответственным за такое зло, вопреки тому факту, что опухоль находится в его теле. Но когда речь заходит о психике, мы тотчас ощущаем некую ответственность, как если бы сами являлись творцами наших психических состояний. Этот предрассудок, нужно отметить, возник сравнительно недавно. В дни не столь отдаленные даже высококультурные люди верили, будто психические силы могут воздействовать на наши мысли и чувства. Привидения, колдуны и ведьмы, демоны и ангелы, даже боги считались способными вызывать в человеке психологические изменения. В былые времена пациент, вообразивший у себя рак, переживал бы эту мысль совсем иначе. Наверное, он предположил бы, что его кто-то сглазил или околдовал – либо что он одержим бесами. Ему бы и в голову не пришло считать себя породителем подобной фантазии.

Вообще-то я бы сказал, что о раке он задумался спонтанно, что эта мысль проистекает из той области психики, которая не тождественна сознанию. Это своего рода автономное образование, которое вторглось в сознание. О сознании мы говорим, что оно есть наше собственное психическое существование, но рак наделен своим, отличным психическим существованием, от нас независимым. Данное утверждение, как кажется, полностью соответствует наблюдаемым фактам. Если подвергнуть такого пациента ассоциативному эксперименту¹⁰, то быстро выяснится, что этот человек не является хозяином в собственном доме. Его реакции будут заторможенными, деформированными, подавленными или замененными какими-то автономными внешними идеями. На некоторое число слов-стимулов он не сможет отвечать сознательно. В его ответах обнаружится некое автономное содержание, зачастую бессознательное, не осознаваемое говорящим. В нашем случае мы наверняка получим ответы, источником которых окажутся психические комплексы – скажем, тот, который лежит в основе идеи рака. Едва слово-стимул затрагивает тему, связанную со скрытым комплексом, как реакция сознательного эго нарушается или даже замещается ответом, продиктованным этим комплексом. Создается впечатление, будто этот комплекс представляет собой автономное существо, способное вмешиваться в намерения эго. Комплексы и вправду ведут себя словно вторичные или частичные личности, наделенные собственной психической жизнью.

Многие комплексы отчуждаются от сознания, которое предпочло избавиться от них путем вытеснения. Но есть и другие, никогда ранее не попадавшие в сознание, а потому не подвергавшиеся ранее произвольному вытеснению. Они произрастают из бессознательного и вторгаются в сознание, привнося свои загадочные и недоступные пониманию влияния и побуждения. Случай нашего пациента относится как раз к этой категории. Несмотря на всю его культуру и разумность, этот человек стал беспомощной жертвой аффекта наподобие одержимости, не сумел оказать противодействия демонической силе болезнетворной идеи. Та зрела в нем, словно настоящая опухоль, а однажды проявилась и с того времени закрепилась в его сознании, отступая лишь изредка на короткое время.

Такие случаи помогают объяснить, почему люди опасаются обретения самоосознания. За ширмой ведь вполне может оказаться нечто неприглядное – кто знает, что именно? – а потому люди предпочитают «принимать во внимание и тщательно наблюдать» исключительно внешние для сознания факторы. У большинства людей имеется своего рода первобытная *δεισιδαιμονία*, страх перед возможными содержаниями бессознательного. Помимо естественных робости и стыда, а также представлений о подобающем поведении, присутствует и тайная боязнь неведомых «духовных опасностей», угрожающих душе. Конечно, мы не готовы сознаться в столь смехотворной боязни. Однако необходимо понять, что этот страх вовсе не является неоправданным; напротив, для него имеются веские основания. Мы никогда не сможем удостовериться заранее в том, что какая-нибудь новая идея не захватит нас целиком – или

¹⁰ См. мои работы по изучению словесных ассоциаций. – *Примеч. авт.*

не подчинит себе наших соседей. Из современной, да и из древней истории хорошо известно, что подобные идеи могут показаться крайне странными, крайне причудливыми, полностью противоречащими доводам рассудка. Одержимость, почти всегда связанная с такими идеями, порождает фанатичную страсть, при всей внешней благопристойности этих идей ведет к сжиганию инакомыслящих заживо или к отрубанию голов – а сегодня в ход пускают пулеметы. Мы даже не в силах утешаться той мыслью, что подобные события принадлежат отдаленному прошлому. К сожалению, они свойственны не только настоящему, но и будут свойственны, как представляется, грядущему. *Homo homini lupus est*¹¹ – печальная, но верная банальность. Словом, у человека достаточно причин опасаться тех безличных сил, которые таятся в его бессознательном. Мы пребываем в блаженном неведении относительно этих сил, поскольку они никогда (или почти никогда) не проявляются в наших личных отношениях с другими или в обычных обстоятельствах. Но стоит людям собраться вместе в толпу, как высвобождается динамика коллективного человека, которая выпускает наружу зверей или демонов, сидящих в каждом человеке, на потеху толпе. Среди людской массы отдельный человек бессознательно опускается на низший моральный и интеллектуальный уровень – на тот, который всегда лежит за порогом сознания и готов обнажиться, едва будет воспринят сигнал совместного пребывания в толпе.

Роковой ошибкой мне видится трактовка человеческой психики как чего-то сугубо личного и попытки объяснять ее исключительно с личностной точки зрения. Такой способ объяснения применим только для отдельного человека, поглощенного своими повседневными занятиями и отношениями. При малейших же затруднениях, скажем, в форме какого-то непредвиденного и неожиданного события, тотчас призываются на помощь инстинктивные силы, воспринимаемые как нечто совершенно непостижимое, новое и даже странное. Их уже не объяснить личностными мотивами, скорее, они сравнимы с некоторыми дикарскими страхами – например, при солнечном затмении и схожих событиях. Посему попытка объяснить смертоносную вспышку большевизма индивидуальным отцовским комплексом лично мне кажется полностью бессмысленной.

Изменения в характере человека под влиянием коллективных сил поистине внушают трепет. Мягкое нравом благоразумное существо превращается на глазах в маньяка или дикого зверя. Вину за это обычно возлагают на внешние обстоятельства, однако нужно признать, что взрывается в нас то, что было заложено ранее. Вообще мы исконно проживаем на вершине вулкана; насколько известно, не существует способа уберечься от возможного извержения, которое уничтожит все, до чего дотянется. Конечно, полезно взывать к разуму и здравому смыслу, но как быть, если тебе внемяют обитатели сумасшедшего дома или толпа, одержимая коллективным безумием? Разница между первыми и второй невелика, ибо и безумцами, и толпой движут могучие безличные силы.

К слову, достаточно такой малости, как невроз, чтобы пробудить силу, с которой невозможно справиться посредством разума. Наш пример с человеком, больным раком, ясно показывает, насколько бессильны рассудок и интеллект перед лицом очевиднейшей бессмыслицы. Я всегда советую моим пациентам принимать этакую очевидную, но непобедимую бессмыслицу за проявление силы, суть которой им пока неведома. Опыт научил меня, что куда полезнее и действеннее воспринимать такие факты всерьез и пытаться подобрать для них подходящее объяснение. Впрочем, объяснение годится, лишь когда оно порождает гипотезу, соответствующую болезнетворному следствию. В нашем случае налицо воля и сила внушения, попросту безоговорочно превосходящие все средства, доступные сознанию пациента. В столь опасной ситуации будет скверной стратегией убеждать пациента в том, что за симптомами, каким-то непонятным образом, стоит он сам, тайно их изобретая и поддерживая. Внушение такого рода

¹¹ Человек человеку волк (лат.). – Примеч. ред.

мгновенно парализует боевой дух пациента и совершенно его деморализует. Гораздо лучше постараться ему растолковать, что его комплекс – некая автономная сила, направленная против сознательной личности. Более того, подобное объяснение соответствует фактам больше, нежели сведение происходящего к личностным мотивам. Вдобавок личная мотивация, безусловно, сохраняется, но возникает не по желанию человека: она просто возникает.

Когда в вавилонском эпосе герой Гильгамеш в своем высокомерии и гордыне бросает вызов богам, те создают человека, равного по силе Гильгамешу, чтобы усмирить чрезмерно дерзкого и непочтительного героя¹². С нашим пациентом случилось ровно то же самое: он – мыслитель, привыкший мерить мир исключительно на основе интеллекта и разума. Его притязания привели по меньшей мере к тому, что он замахнулся на выковывание собственной судьбы. Он все подвергал беспощадному суду разума, но природе где-то удалось ускользнуть – и она вернулась, чтобы отомстить, в форме совершеннейшей бессмыслицы, той самой фантазии по поводу рака. Бессознательное измыслило тонкую и хитроумную ловушку, дабы удержать человека в безжалостной, жестокой узде. Это сокрушительный удар по всем его разумным идеалам, прежде всего по вере во всемогущество человеческой воли. Такого рода одержимость свойственна лишь тем, кто постоянно злоупотребляет разумом и интеллектом ради эгоцентрических личных целей.

Вспомним, правда, что Гильгамешу удалось избежать божественного возмездия. Его посещали вещие сны, к которым он все-таки прислушался. Эти сны подсказали ему, как лучше одолеть врага. У нашего пациента, живущего в эпоху, когда боги вымерли и даже пользуются дурной славой, тоже были пророческие сновидения, но он ими пренебрег. Как можно разумному человеку настолько поддаться предрассудкам, чтобы воспринимать сны всерьез! Широко распространенное предубеждение по поводу сновидений является лишь одним из симптомов куда более значимой недооценки человеческой психики вообще. Удивительное развитие науки и техники сегодня уравнивается поразительной утратой мудрости и интроспекции. Верно, что наша религия много говорит о бессмертной душе, зато у нее найдется лишь несколько добрых слов о человеческой психике как таковой, обреченной на вечные адские муки без особого акта божественной благодати. Эти два важных фактора в первую очередь несут ответственность за общую недооценку значения психики, но они должны разделить ту самую ответственность с куда более древними факторами – с первобытным страхом перед бессознательным и с отращением ко всему, что граничит с бессознательным.

Сознание исходно, по моему мнению, было чем-то хрупким и непрочным. В относительно примитивных обществах еще возможно наблюдать, насколько легко оно утрачивается. Одной из «опасностей души»¹³, кстати, является как раз утрата души, когда часть психики снова становится бессознательной. Другим примером здесь может служить состояние, называемое «амок»¹⁴, – в сходное с этим состоянием впадали берсерки в германских сагах¹⁵. Это в большей или меньшей степени состояние транса, часто сопровождаемое гибельными социальными последствиями. Даже вполне обычная эмоция может вызвать заметную утрату сознательности. Дикари поэтому придерживаются строгих и проработанных правил вежливости, говорят приглушенным голосом, кладут на землю оружие, падают ниц, склоняют головы и показывают раскрытые ладони. Даже в наших формах вежливости можно отыскать следы «религиозного» предвидения потенциальных психических опасностей. Мы пытаемся умиловить

¹² Изложение истории Гильгамеша см. в книге Шотта. – *Примеч. авт.* (См. библиографию. – *Ред.*)

¹³ См.: Frazer J. G. *Taboo and the Perils of the Soul*. 1911. – С. 30 и далее; Crawley A. E. *The Idea of the Soul*. L., 1909. – С. 82 и далее; Levy-Bruhl L. *La Mentalite Primitive*. P., 1922. – *Примеч. авт.*

¹⁴ См.: Finn. *Runnlnig Amok*. 1901. – *Примеч. авт.* В этнографии амок – состояние возбуждения, свойственное народам Юго-Восточной Азии. В немецкой психологии этим словом стали характеризовать слепую и немотивированную агрессию. – *Примеч. пер.*

¹⁵ См.: Ninck M. *Wodan und germanischer Schicksalsglaube*. Jena, 1935. – *Примеч. авт.*

судьбу, магически желая друг другу доброго дня. Левую руку нехорошо держать в кармане или за спиной, когда правой пожимаешь руку другого. Если нужно выказать особое уважение, при рукопожатии следует использовать обе руки. Перед людьми, наделенными большой властью, мы склоняем непокрытую голову, тем самым как бы подставляя шею сильному, который способен вдруг вспылать необузданным насилием. А дикари в ходе воинских плясок приходят в такое возбуждение, что могут наносить себе ранения и проливать кровь.

Жизнь дикаря наполнена постоянными заботами, он всюду подозревает некие таящиеся в засаде психические опасности, а потому дикарские способы, призванные уменьшить этот риск, столь многочисленны. Наглядным доказательством здесь служат табу – запреты, которые налагаются на различные области деятельности. Эти бесчисленные табу, которые тщательно и со страхом соблюдаются, суть специально выделяемые «участки» психики. Мне однажды довелось совершить чудовищную ошибку, когда я гостил у дикарей на южном склоне горы Элгон в Восточной Африке. Я захотел выяснить подробности относительно так называемых «призрачных домов», на которые часто наткнулся в лесу, и в ходе разговора я употребил слово «селельтени», то есть «призрак». Тотчас мои собеседники умолкли, и воцарилось смутенное молчание. Все отвернулись от меня, поскольку я громко произнес слово, которого было принято старательно избегать, и тем самым навлек на себя и окружающих самые печальные последствия. Пришлось сменить тему разговора, чтобы не прерывать общение. Те же люди уверяли меня, что у них не бывает сновидений; сны полагалось видеть только вождю и колдуну-знахарю (*medizinmann*). Позже колдун поведал мне, что и сам перестал видеть сны, поскольку власть над этой землей перешла к окружному комиссару. «С тех пор как пришли англичане, у нас больше нет снов, – сказал он. – Окружной комиссар все знает – о войне и болезнях, о том, где и как нам жить». Это странное суждение основывалось на том факте, что сновидения прежде выступали этаким высшим политическим указанием, голосом «мунгу» – божества. Поэтому со стороны обычного человека было неразумно даже намекать, будто ему что-либо снится.

В сновидениях звучит голос Неведомого, которое от века грозит новыми опасностями, жертвами, войнами и прочими неурядицами. Одному из африканцев как-то приснилось, что враги захватили его в плен и сожгли живьем. На следующий день он собрал своих родственников и стал упрашивать, чтобы те его сожгли. Они согласились лишь связать ему ноги и поднести огонь к конечностям. Разумеется, он после этого сильно хромал, но сумел ускользнуть от своих врагов¹⁶.

Множество магических ритуалов имеет единственное предназначение – возвести защиту от неожиданных опасностей, таящихся в бессознательном. Тот необычный факт, что сновидение передает божественные указания, предстает вестником небес и одновременно доставляет бесконечные хлопоты, несколько не смущает дикарские разумы. Очевидные остатки такого первобытного мышления обнаруживаются в психологии древнееврейских пророков¹⁷. Эти пророки достаточно часто сомневались, прислушаться или нет к голосу Бога. Напомним, что столь благочестивому человеку, как Осия, было непросто жениться на блуднице во исполнение веления Господа¹⁸. С незапамятных времен существует обычай ограждать произвол и своеволие проявлений «сверхъестественного» посредством определенных правил и законов. Этот процесс продолжается на протяжении всей истории человечества, ритуалы, институты и верования множатся и множатся. За последние два тысячелетия институт христианской церкви принял на себя посредническую и защитную функции, встав между этими проявлениями иного и человеком. В средневековых церковных текстах вовсе не отрицается, что божественное вдох-

¹⁶ См.: Levy-Bruhl L. Les Fonctions Mentales dans les sociétés Inférieures; Он же, La Mentalité..., III, Les Rites. – Примеч. авт.

¹⁷ См. Haeussermann Fr. Wortempfang und Symbol In der alttestamentlichen Prophetie. Glessen, 1932. – Примеч. авт.

¹⁸ Ос. 1–2. – Примеч. ред.

новение может иметь место во сне, но нельзя утверждать, что такое поощрялось, и церковь оставляла за собой право решать, считать подобное откровение подлинным или нет.

В превосходном трактате о сновидениях и их особенностях¹⁹ за авторством Бенедикта Перерия говорится: «...Господь же никоим образом не подвластен законам времени и не нуждается в благоприятствовании времен для действия; где хочет, когда хочет и кому хочет внушает Он сновидения...» (*Deus nempe, istiusmodi temporum legibus non est alligatus nec opportunitate temporum eget ad operandum, ubicunque enim vult, quandocunque, et quibuscunque vult, sua inspirat somnia*, с. 147). Следующий отрывок проливает свет на отношения церкви к сновидениям как таковым: «Ибо читаем мы в беседах Кассиана (22), что древние управители и наставители монашества прилежно занимались изучением и установлением причин различных сновидений» (*Legimus enim apud Cassianum in collatione 22 veteres illos monachorum magistros et rectores, in perquirendis, et excutiendis quorundam somniorum causis, diligenter esse versatos*, с. 142). Перерий классифицировал сновидения следующим образом: «Многие [из них] суть естественные, иные – человеческие, а иные же – божественные» (*...multa sunt naturalia quaedam humana, nonnulla etiam divina*, с. 145). Имеются четыре причины сновидений: 1) телесные воздействия; 2) неистовое смятение ума вследствие любви, надежды, страха или ненависти (с. 126); 3) власть и хитроумие демона, то есть языческого божества или христианского дьявола: «Ибо способен демон владеть естественными событиями, коим надлежит воспоследовать по определенным причинам; ведомо ему, в былом и в настоящем, все, что сокрыто для людей, и он внушает людям это знание посредством снов» (*Potest enim daemon naturales effectus ex certis causis aliquando necessario proventuros, potest quaecunque ipsemet postea facturum est, potest tam praesentia, quam praeterita, quae hominibus occulta sunt, cognoscere, et hominibus per somnium indicare*, с. 129). По поводу диагностики демонических сновидений автор замечал: «Можно выявить, каковы сны посылаются демоном, и первое всего это частые сновидения, в коих сообщается о грядущем или тайном, постижение чего не сулит выгоды ни себе, ни прочим, лишь тешит суетную гордыню мелочным знанием или вовсе побуждает к причинению кому-либо зла» (*Coniectari potest, quae somnia missa sint a daemone: primo quidem, si frequenter accidant somnia significabilia res futuras, aut occultas, quarum cognitio non ad utilitatem, vel ipsius, vel aliorum, sed ad inanem curiose scientiae ostentationem, vel etiam ad aliquid mali faciendum conferat*, с. 130); 4) сновидения, ниспосланные Богом. О признаках божественной природы сновидений говорится так: «...из значения явленного во сне, и особенно во сне, становится ведомым человеку то, что позволено ему знать лишь с Божьей помощью и по милости Господней. Таковы эти познания, что среди богословов оные зовутся предвосхитимыми событиями грядущего, а также тайны сердец, сокровенно укрытые от всякого человеческого понимания; затем еще те наивысшие для нашей веры таинства, каковы заповеданы лишь тому, кто приходит к ним Божьим поощрением... Все божественное раскрывается первое всего обретением некоего просветления и устремлением души, коими Бог озаряет наш разум, наставляет нашу волю и внушает сновидцу уверенность

¹⁹ См.: Pererius Benedictus S. J. *De Magia. De Observatione Somniorum et de Divinatione Astrologica* libri tres. Coloniae Agripp., 1598. – С. 114 и далее. – *Примеч. авт.*

в истинности и неоспоримости такого сна; человек, узревший подобный сон, ясно осознает и не колеблясь сомнений признает за Господом честь творения, в каковое он жаждет верить и каковому надлежит верить без малейшего сомнения» (*ex prae-stantia rerum, qua per somnium significatur: nimirum, si ea per somnium innotescant homini, quorum certa cognitio, solius Dei concessu ac munere potest homini contingere, huiusmodi [sic] sunt, quae vocantur in scolis Theologorum, futura contingentia, arcana item cordium, quaeque intimis animorum inclusa recessibus, ab omni penitus mortalium intelligentia oblitescunt, denique praecipua fidei nostrae mysteria, nulli, nisi Deo docente manifesta... Deinde, hoc ipsum <divinum esse> maxime declarator interiori quadam animorum illuminatione atque commotione, qua Deus sic mentem illustrat, sic voluntatem afficit, sic hominem de fide et autoritate eius somnii certiorum facit, ut Deum esse ipsius auctorem, ita perspicue agnoscat, et liquido iudicet, ut id sine dubitatione ulla credere, et velit, et debeat, с. 131*). Поскольку демон, как было сказано выше, тоже способен посылать сновидения, точно предсказывающие будущие события, автор в подкрепление своих рассуждений добавляет цитату из Григория Великого²⁰ (*Dialog. Lib. IV. Cap. 48*): «Святые мужи различают мнимости и откровения, голоса и отголоски видений посредством внутреннего чутья, ибо надлежит им знать, что воспринимается от доброго духа, а что претерпевают от обманщика. Ведь не проявляй разум человеческий такой осмотрительности, то погряз бы он в обилии суетности из-за духа-обманщика, который норовит порою предречь многие события правдиво, дабы восторжествовать потом и пленить душу человеческую той или иной ложью» (*Sancti viri... inter illusiones, atque revelationes, ipsas visionum voces et imagines, quondam intimo sapore discernunt, ut sciant quid a bono Spiritus percipiant, et quid ab illusore patiantur. Nam si erga haec mens hominis cauta non esset, per deceptorem spiritum, multis se vanitatibus immergeret, qui nonnunquam solet multa vera praedicere, ut ad extremum valeat animam ex una aliqua falsitate laceare, с. 132*). Кажется, что это желанная защита от той неопределенности, что возникает при сновидениях, связанных с «наивысшими для нашей веры таинствами». Афанасий в жизнеописании святого Антония показывает, насколько умело бесы предсказывают грядущие события²¹. Согласно тому же автору, бесы иногда предстают даже монахами, распеваящими псалмы, читают вслух Библию, отпускают едкие замечания о моральном облике братии, которую хотят ввести в соблазн²². Впрочем, Перерий как будто доверял собственным выводам и продолжал так: «Природный светоч нашего разума позволяет нам ясно опознавать истинность основных первоначал, каковые тем самым постигаются нами непосредственно, без всяких доказательств, а в сновидениях, ниспосланных Господом, божественный свет проливается в наши души и приносит понимание, в силу коего мы верим, что сны сии истинны и исходят от Всевышнего» (*Quemadmodum igitur naturale mentis nostrae lumen facit non evidenter cernere veritatem primorum principiorum, eamque statim citra ullam argumentationem, assensu nostro complecti: sic enim somniis a Deo datis, lumen divinum animis nostris affulgens, perficit, ut ea*

²⁰ Один из латинских отцов церкви, папа римский, в своих трудах уделявший много внимания церковному расколу на западное и восточное христианство; в православной традиции известен как Григорий Двоеслов. – *Примеч. пер.*

²¹ См.: Wallis E. A. Budge, *The Book of Paradise*. L., 1. – С. 37 и далее. – *Примеч. авт.*

²² Там же, с. 33 и далее, 37. – *Примеч. авт.*

somnia, et vera et divina esse intelligamus, certoque credamus). Перерий избегал спорного вопроса о том, почему всякое несокрушимое убеждение, полученное во сне, обязательно является доказательством божественного происхождения сновидения, и просто принимал как данность, что сновидения такого рода естественным образом соотносятся с «высшими таинствами». Гуманист Каспар Пейцер в своем «Толковании к основным видам гаданий» высказывался по данному поводу значительно четче и сдержаннее: «Те сны исходят от Всевышнего, каковые согласно Святому Писанию ниспосылаются с горних высот людям, но не всем и каждому, не всем, кто домогается откровений и ожидает приобщения к оным исключительно в силу своего упования, а святым отцам и пророкам по Божьему выбору и Его милости. Эти сновидения повествуют вовсе не о легких свершениях, не о мелочных сиюминутных делах, но о Христе, о главенстве церкви, о царствах и благоустройстве оных, также о прочих дивных событиях, и к таким снам Господь непременно присовокупляет точные свидетельства, вроде дара понимания, из чего становится очевидным, что противиться этим снам грешно, что снятся они не случайно, порождаясь в природе, но вызревают Божьим попусением» (*Divina somnia sunt, quae divinitus immissa sacrae literae affirmant, non quibusvis promiscue, nec captantibus aut expectantibus peculiare аποκάλυψησ* sua opinione: sed sanctis Patribus et Prophetis Dei arbitrio et voluntate nec de levibus negociis, aut rebus nugacibus et momentaneis, sed de Christo, de gubernatione Ecclesiae, de imperiis, et eorundem ordine, de aliis mirandis eventibus: et certa his semper adidit Deus testimonia, ut donum interpretations et alia, quo constare non fernere ea objici neque ex natura nasci, sed inseri divinitus, *Commentarius de praecipuis generibus divinationum*, с. 270). Криптокальвинизм²³ Пейцера наглядно проявляется в этих словах, особенно если сравнить их с «естественным богословием» его католических современников. Возможно, замечание Пейцера по поводу «откровений» являлось каким-то еретическим новшеством. Во всяком случае, в следующем абзаце, где речь идет о *somnia diabolici generis* (снах дьяволических), он писал, что есть сновидения, которые «дьявол ныне посылает анабаптистам, а во все времена эти сны снились исступленным и прочим фанатикам...» (*quaeque nunc Anabaptistis et omni tempore Enthusiastis et similibus fanaticis... <diabolus exhibet>*, с. 270). Перерий же с большей проникательностью и пониманием человеческой природы посвятил отдельную главу вопросу, какому именно человеку подобает верно истолковывать сновидения (с. 145 и далее). Исходно он делал вывод, что рассмотрению подлежат важные сны. Прочитую его слова: «Наконец остановимся на том, способны ли сновидения, зачастую нас беспокоящие и побуждающие к злым деяниям, приходить к нам от дьявола, а также на том, верно ли, что сны, каковые нас воодушевляют и направляют к добру, будь то безбрачие, щедрость в подаяниях или приобщение жизни в вере, внушаются нам Господом; признавать сие есть удел не того, кто склонен к суевериям, а мужа верующего, разумного, ревностного, озабоченного своим спасением» (*Denique somnia quae nos saepe commovent, et incitant ad flagitia, considerare num a daemone nobis subjiciantur, sicut contra, quibus ad bona provocamur et instigamur, veluti ad caelibatum, largitionem eleemosinarum, et*

²³ Так у автора; имеется в виду призыв внимать сновидениям, чуждый кальвинизму с его рационализмом и недоверием к мистике. – *Примеч. пер.*

ingressum in religionem, ea ponderari num a Deo nobis missa sint, non est superstitiosi animi, sed religiosi, prudentis, ac salutis suae satagentis, atque solliciti, с. 143). Только глупцы станут обращать внимание на прочие – пустопорожние – сны. Во второй главе Перерий давал ответ – никто не должен и не может истолковывать сны «без вдохновения свыше и без Господнего промысла», ибо «кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем. Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия». Это утверждение, само по себе в высшей степени истинное, передает искусство толкования сновидений в руки лиц, кто ex officio (по обязанностям) наделен donum spiritus sancti (даром Святого Духа). Очевидно, впрочем, что автор-иезуит не мог вообразить descensus spiritus sancti extra ecclesiam (сошествия Святого Духа вне церкви).

Признавая, что некоторые сновидения и вправду ниспосланы Божеством, церковь, тем не менее, отнюдь не склонна сколько-нибудь серьезно относиться к сновидениям (более того, отвергается от них), но все же заявляет, что отдельные сны могут непосредственно содержать откровение. Иными словами, изменения психической установки за последние столетия – по крайней мере, с этой точки зрения – отчасти приемлемы для церкви, которая в целом одобряет упадок прежней интроспективной установки, подразумевавшей пристальное внимание к сновидениям и внутреннему опыту.

Протестантизм, обрушивший столько стен, ранее тщательно воздвигнутых церковью, мгновенно испытал на себе разрушительные и схизматические воздействия индивидуального откровения. Едва догматическая ограда пала, едва ритуалы утратили свою силу и власть, как человеку пришлось столкнуться с внутренним опытом один на один – без защиты и наставничества догматов и ритуалов, то есть без самой квинтэссенции как христианского, так и языческого религиозного опыта. Протестантизм, по сути, лишился и всех тонкостей традиционного христианства, от мессы и исповеди до большей части литургии и пастырского рвения служителей культа.

Следует подчеркнуть, что это суждение не является оценочным и не должно считаться таковым. Я лишь перечисляю факты. Протестантизм при этом придал дополнительный авторитет Библии как заместителю утраченного церковного авторитета. Но, как показала история, некоторые библейские тексты возможно истолковывать множеством способов, а научная критика Нового Завета не слишком-то способствовала распространению веры в божественность Священного Писания. Под влиянием так называемого научного просвещения огромная масса образованных людей либо покинули церковь, либо сделалась глубоко к ней равнодушной. Будь они все скучными рационалистами или невротичными интеллектуалами, от этой потери можно было бы отмахнуться. Но многие из них вполне религиозны по своим убеждениям, хотя и отвергают существующие ныне формы вероучения. Иначе трудно объяснить удивительное воздействие движения Бухмана²⁴ на более или менее образованные протестантские слои населения. Католик, повернувшийся спиной к церкви, обычно склоняется к атеизму, тайно или совершенно открыто, тогда как протестант по возможности присоединяется к какому-либо сектантскому порыву. Абсолютизм католической церкви как будто требует столь же абсолютного отрицания, в то время как протестантский релятивизм допускает различные вариации.

Может показаться, что я чрезмерно углубился в историю христианства исключительно ради того, чтобы объяснить предрассудки по поводу сновидений и индивидуального внутрен-

²⁴ Имеется в виду Движение морального перевооружения, основанное в 1921 г. американским лютеранином Ф. Бухманом под названием «Христианское братство первого века», а затем получившее известность как Оксфордская группа. Это движение учило, что «правильной церкви» не нужны «ни иерархия, ни пожертвования, ни работники, ни плата»; все «в руках Божьих», а стремиться нужно к «новому мировому порядку, во главе коего стоит царь Христос». – *Примеч. пер.*

него опыта. Но сказанное выше могло бы стать частью моей беседы с упомянутым пациентом, страдающим от рака. Я бы сказал ему, что лучше принять навязчивые мысли всерьез, нежели считать их патологической бессмыслицей. Это означало бы признать за теми мыслями свойство диагностического суждения, усмотреть в них тот факт, что в психике, которая реально существует, возникли некие затруднения, обретшие материальную форму растущей раковой опухоли. Пациент наверняка спросил бы: «А почему она растет?» Я бы ответил, что не знаю, поскольку у меня действительно нет содержательного ответа. Хотя, как уже отмечалось ранее, это безусловно компенсаторное или дополняющее бессознательное развитие, о его специфической природе и содержании пока ничего не известно. Это спонтанное проявление бессознательного, основанное на содержании, которого мы не сможем обнаружить в сознании.

Тогда мой пациент, конечно, пожелает узнать, каким образом я рассчитываю добраться до этого содержания, порождающего навязчивые мысли. Я сообщу ему, рискуя изрядно шокировать, что необходимые сведения нам предоставят его сновидения. Мы станем рассматривать их так, словно они поступают из источника, наделенного умом, целесообразностью и даже как бы личностным началом. Это, без сомнения, смелая гипотеза, своего рода авантюра, поскольку мы предполагаем всецело довериться давно дискредитированной сущности – психике, – само существование которой по-прежнему отвергается многими современными психологами и философами. Знаменитый антрополог, которому я изложил свой метод рассуждения, сделал типичное замечание: «Все это, конечно, очень интересно, но опасно». Да, я признаю, что это опасно – ничуть не менее, чем сам невроз. Желание избавиться от невроза вообще подразумевает готовность идти на риск. Без известного риска любая попытка что-либо совершить обречена на провал, уж это слишком хорошо нам известно. Хирургическая операция по удалению раковой опухоли тоже рискованна, но такие операции все-таки выполняют. Я частенько испытываю искушение подсказать пациентам, чтобы они, ради лучшего понимания, воображали психическое как некое «тонкое» тело (*subtle body*), в котором могут произрастать столь же «тонкие» опухоли. Суеверная убежденность в том, что психика невообразима и потому ничтожнее дуновения ветра – равно как и уверенность в том, что она есть некая более или менее интеллектуальная система логических понятий – настолько велика, что люди попросту не осознают определенных содержаний и мнят их несуществующими. Они не доверяют и сомневаются в достоверности функционирования психики за пределами сознания, а сновидения считают всего-навсего смехотворными измышлениями. В этих условиях моя теория вызывает наихудшие подозрения. Мне и вправду приходилось выслушивать немало всевозможных доводов против смутных призраков сновидений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.